

Наш буровой отряд, состоящий из пяти человек, находился всего-то в 40 километрах от основной станции – расстояние для тех мест мизерное – часовой переход на гусеничном вездеходе. Буровикам надо было пробурить-протаять ледяной шельф на глубину порядка 400 метров. Поэтому-то почти всю нашу зимовку они пробыли в «поле» особняком, за что получали свои полевые – 3.5 рубля в день в дополнение к своему основному заработку, что вызывало у отдельных полярников если не зависть, то уважение.

У Вити Боярского¹ день рождения. По этому случаю Володя Степанов приготовил сибирские пельмени и торт. Развели спирт, как всегда по широте нашего пребывания. А это немного-немало 70°. Вечером, после работ, все собрались в командирском балке за праздничным столом. Посидели, попели песни под гитару. Начальник станции по радио передал специальное поздравление по случаю именин. Витя Боярский его и принял самолично, поскольку исполнял ещё и общественную должность радиста. За стенами балка метель-пурга, пустыня великая ледяная, а здесь свет, друзья, гитарный перезвон, разговоры, еда, тепло, и становится по-настоящему радостно и торжественно, спокойно и легко на душе. Такого чувства нигде не испытываешь. Но вот пора расходиться, завтра утром работа, надо выспаться. Володя остаётся в командирском балке, а два Вити, один из которых именинник, одевают «казшки» (специальная верхняя одежда на верблюжьем меху, получившая название от аббревиатуры КАЭ – комплексная антарктическая экспедиция), накидывают капюшоны, застёгиваются поплотней и – в пургу; до их балка всего-то метров двадцать будет, но метёт не на шутку, надо использовать преимущества полярной одежды, чтобы прийти домой сухими и не обмороженными.

¹ Виктор Боярский – упоминается в рассказе, как участник своей второй зимовки в Антарктиде. В будущем известный российский путешественник, почётный полярник России, председатель Полярной комиссии Русского географического общества, более 80 раз побывавший на Северном полюсе и совершивший в 1990 году трансантарктический лыжный переход в составе международной экспедиции. Долгое время был директором Музея Арктики и Антарктики. Автор нескольких книг по полярной тематике.

*Рассказ Вити Никитина,
как он погибал в двух метрах от жилия вместе с новорождённым*

Спрыгнули мы в пургу, как десантники с самолёта в слепом прыжке. Ну, ничего не видать – сплошной там-тарарам. Снег и ветер, и больше ничего. Взяли направление на балок и пошли, как в связке, друг за друга держась: именинник впереди, я сзади.

Потом поменялись, а то переднему весь снег достаётся: прессует под капюшон, в глаза, в нос – всё залепляет. Я одной рукой лицо прикрыл, другую вперёд выставил, чтоб об балок не удариться. Идём. Балок вот-вот должен быть. Но рука всё по метели шарит. Что за чёрт?! Неужто промахнулись? От ветра стал задыхаться.

– Витя, куда идти?! – кричу, – вроде, мимо прошли!

– Вправо, – показывает он мне.

Вспомнил наставления моего деда: если в лесу заплутал, то ходишь обычно по кругу против часовой стрелки, поскольку правая нога всегда сильнее, она и вводит человека в циркуляцию; поэтому надо всё время на левую нажимать, корректировать свой курс – малость правее забирать. Пошли вправо. Нет балка! Кошмар! Неужто дед ошибался? Аж потом прошибло. Дышать всё труднее. Кажется, сейчас вдохнёшь, а пурга в тебя так и польётся вся водопадом, не удержишь и будешь так на одном долгом вдохе, пока не захлебнёшься, и выдохнуть сил не будет.

– Витька, это конец! – выдавливаю из себя.

– Не паникуй, дура!!! – орёт он мне, – морду набью!

Начали кружить вместе с пургой. Но так можно было плутать без конца. И главное – направление вовсе потеряно. Теперь уже было всё равно куда: вперёд, назад, вправо, влево – всё наугад, всё наудачу. Может быть, балок-то в двух метрах где-нибудь. Ну, прямо – хоть плачь. Валюсь в снег.

– Всё, – решаю я вслух, – дальше не пойду, бесполезно. Скрючусь здесь, снегом быстро занесёт, больше не могу бороться. Помру спокойно...

Хватаю ртом воздух вперемежку со снежной рассыпчатой кашей – дышалка совсем подвела. Витька трясёт меня:

– Вставай, репа старая, не понесу! Слышишь? Вставай!

Поднял меня за «каэшку». Я ноги еле перебираю. Откуда у Витя силы? Тянет вперёд. А впереди – ничего, кроме стены бушующего снега.

– Будем кружить, – кричит в ухо Витя, – наткнёмся на что-нибудь, хотя бы на буровую.

«Да, – думаю, – будем кружить в вихре вальса рядом с буровой, хрен на неё наткнёшься». Но ответить не могу. И не паникую уже, спокойствие какое-то жуткое навалилось, безразличие.

Сейчас даже смешно становится. А ведь это настоящая трагедия, равная целой жизни. Ведь всё испытал: и страх, и отчаянье, и жалость к себе, и помощь верную, исходящую от Витьки. Ведь если б не он, не вышли бы.

Правда, на кабель я наткнулся. Повалился я в очередной раз в снег, решил больше не вставать. Может, Витя один без меня и отыщет балок или в буровую упрётся. А я – пасс. Не ходок больше... Только чувствую под собой что-то твёрдое. Рукой шарю – кабель! Целая бухта кабеля. Вспомнил: это ж мы с Володей его от балка тянули, да бросили... Потом другой протянули – потоньше. Вот тут я испытал такой прилив, так мне жизнь в голову ударила хмельной струёй... Считаю, заново родился.

По этому-то кабелю, как по канату, мы и притянулись к своему балку. Добрались до двери, над дверью лампа светит – праздник! Толкнули дверь, ввалились, как два куля, и лежим на полу. Поверишь? Плакал не то от жалости, не то от радости. Такие вот именины. А и действительно, в один день получилось сразу три дня рождения: один у меня, два у Витьки.

Потом затопили с ним капельницу¹, залезли в спальники из собачьего меха и – богатырским сном до утра. А утром открываю дверь: на улице чисто, метели, как не было. Смотрю я вокруг и думаю: вот где-то здесь мы с Витяем за жизнь вчера боролись, погибали почти, может даже вот на этом месте, где сейчас стою. А до балка два метра с небольшим. Какая случайность – наша жизнь! Как трагично и смешно многое, что мы делаем в этой жизни, и как иногда легко

¹ Капельница – автономная бытовая печь, работающая на дизельном топливе.

Фото из Антарктиды, из далекого 1976 года.

Слева направо: Матвеич (один из двух наших станционных докторов), Витя Боярский (герой рассказа), Сергей Воробьёв (станционный эл. механик) и Петручио (наш единственный повар). Группа расположилась на «корабле ледяной пустыни» – гусеничном вездеходе АТТ, вернувшись из похода на буровую.

выбираемся из, казалось бы, безвыходных ситуаций. А в другой раз не можем одолеть простых, на первый взгляд, вещей. Мы ведь почти никогда об этом не задумываемся. А случись что, начинаем потом философствовать задним числом. Как я сейчас.

Кстати говоря, в июне 65-го года при похожих обстоятельствах исчез с лица Земли геофизик Карл Диш, 26-ти лет от роду. Я читал отчёт американской экспедиции. Он во время пурги взял курс на основное здание станции Мак-Мёрдо, да, видно, промахнулся. Уже потом его следы обнаружили на расстоянии шести с половиной километров от станции. А дальше они уходили в вечность, так как больше никто и никогда не видел его на этой планете. Конечно, красиво умереть не запретишь. Но нелепо, согласишься! Нам суждено было остаться в живых. Честно скажу, не знаю, что лучше? Пока, наверное, второе – жить. А дальше – посмотрим.

Где-то в конце ноября буровой отряд свернул свои работы. Скважина была пробурена, вернее – протаяна¹. Оказалось, что ледник, на котором велось бурение, лежит на подложке из пресной воды, а далее идёт каменный грунт – коренная порода.

Скважину законсервировали: 400-метровый колодец залили рассолом из 60-процентного спирта (почти по широте). Из протаянного ствола было взято необходимое количество проб, которые прольют некоторый свет на историю становления нашей планеты, а это, в свою очередь, даст ключ к пониманию сегодняшнего дня, в который пришли наши поколения, приобретающие свой трудный, но необходимый опыт для дня завтрашнего.

¹ Скважина «бурилась» методом протаивания льда специальным термобуром.